БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 См.: *Carter C. E.* The Emergence of Yehud in the Persian Period. A Social and Demographic Study. Sheffield, 1999.
2 См.: *Edelman D.* The Origins of the Second Temple. Persian Imperial Policy and the Rebuilding of Jerusalem. London, 2010.
3 См.: *Grabbe L. L.* A History of the Jews and Judaism in the Second Temple Period. London ; New York, 2004. Vol. 1 : Yehud: A History of the Persian Province of Judah.
4 См.: *Carter C. E.* Op. cit.
5 Ibid. P. 124.
6 См.: История древнего Востока: От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А. В. Седова. М., 2004. С. 485.
7 Там же.
8 См.: *Grabbe L. L.* An Introduction to Second Temple Judaism. History and Religion of the Jews in the Time of Nehemiah, the Maccabees, Hillel and Jesus. London ; New York, 2010. P. 2.
9 См.: *Edelman D.* Op. cit. P. 129.
10 Ibid. P. 146.
11 Ibid. P. 176.
12 Ibid. P. 195–196.
13 Ibid. P. 212.
14 См.: *Laughlin J. C. H.* Fifty Major Cities of the Bible: From Dan to Beersheba. London ; New York, 2006. P. 189.
15 См.: *Grabbe L. L.* A History of the Jews and Judaism in the Second Temple Period. P. 24.
16 См.: *Zorn J. R.* «Mizpah: Newly Discovered Stratum Reveals Judah's Other Capital». Biblical Archaeology Review, Sept./Oct. 1997, 28–31, 34–38, 66 [Electronic resource]. URL: http://members.bib-arch.org/publication.asp?PubID=BSBA&Volume=23&Issue=5&ArticleID=1 (date of access: 05.02.2014).
17 См.: *Grabbe L. L.* A History of the Jews and Judaism in the Second Temple Period. P. 29.
18 См.: *Grabbe L. L.* A History of the Jews and Judaism in the Second Temple Period. P. 282.
19 См.: *Magen Y.* «Nebi Samwil». Biblical Archaeology Review, May/June 2008, 36–45, 78–79 [Electronic resource]. URL: http://members.bibarch.org/publication.asp?PubID=BSBA&Volume=34&Issue=3&ArticleID=7 (date of access: 05.02.2014).
20 Ibid.

Поступила в редакцию 16.10.2014.

Анна Викторовна Волынец – специалист Главного управления науки БГУ.

УДК 94(37).05

В. Ю. МОНЗУЛЬ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ РЕСПУБЛИКИ В ОТРАЖЕНИИ ТРУДОВ ГРЕКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Рассматривается проблема выбора лексики, используемой тремя древнегреческими авторами I–III вв. н. э. – Плутархом, Аппианом и Дионом Кассием Кокцеяном, для передачи социально-политических реалий римского общества эпохи поздней республики. Рамки исследования ограничены несколькими наиболее распространенными понятиями и конструкциями, обозначающими основные категории политически активного населения и политические организации римского нобилитета. Изучаются этимология, грамматические особенности употребления, засвидетельствованные синонимы и антонимы, принципы маркировки отдельных политиков, особенности употребления терминов *dynatoi*, *ploysioi*, *epiphaneis*, конструкций с предлогами *amphi*, *peri* и существительным *philos*. Делаются выводы о последовательности и, таким образом, относительном единстве греческих авторов в интерпретации римских политических реалий. Существующие противоречия в лексике источников происходят как из-за смешения греческой и латинской историографических традиций, так и вследствие изменений, произошедших в социальной и политической структурах общества с эпохи поздней республики ко времени деятельности рассматриваемых авторов.

Ключевые слова: Римская республика; социальная стратификация; древнегреческий язык; античная историография; Плутарх; Аппиан; Дион Кассий.

The article deals with a problem of Greek social and political vocabulary to describe history of the Late Roman Republic. Only three most detailed accounts dated from I to III centuries AD (Plutarch, Appian and Dio Cassius Cocceianus) and several most used words and figures of speech are to be analyzed. The author studies etymological, grammatical, historical features of using the words *dynatoi*, *ploysioi*, *epiphaneis*, constructions with *amphi*, *peri* and *philos*, principles of labeling, their antonyms and synonyms. The author concludes that evidences of Greek historians are mostly consistent, from which follows the presence of a more or less unified Greek tradition of translation Roman social and political vocabulary. The majority of contradictions, in author's view, can be caused by the mixing of Greek and Roman historical traditions and by the social and political changes that occurred from the Late Roman Republic to the author's lifetime.

Key words: Roman Republic; social stratification; Ancient Greek language; ancient historiography; Plutarch; Appian; Dio Cassius.

Древнеримское государство ко времени упадка Римской республики и образования империи в конце I в. до н. э. подчинило все эллинистические государства Средиземноморья, которые ничуть не уступали новой метрополии по уровню цивилизованности, а в чем-то и превосходили ее. В течение нескольких последующих веков латинский язык стал для греков языком общения с властью. Греческие историки интересовались римской историей и при передаче латинских терминов использовали как буквальный перевод (оба языка относятся к индоевропейским и имеют немало структурных сходств и заимствований), так и наработки собственной историографической традиции. В античной историографии три канонических автора (Геродот, Фукидид и Ксенофонт) во многом стали моделью для всех последующих авторов. Подражание этим классическим авторам исторического жанра (прием мимесиса) выражалось в заимствовании и структурных, и стилистических особенностей этих сочинений позднейшими историками. С I в. н. э. в сочинениях греческих авторов стал все чаще использоваться не койне, или

разговорный древнегреческий язык, а книжный аттический диалект, для чего они искусственно архаизировали язык своих сочинений. Это явление получило название второй софистики. Позднейшие авторы, рассказывавшие о римской истории, активно использовали терминологию из греческого обихода. Специфика состоит в том, что эта лексика была введена в исторический дискурс авторами, описывавшими преимущественно Афины. Таким образом, социально-политическая лексика изначально относилась к стратификации населения афинского полиса.

Вопрос о характере рецепции римской терминологической традиции греками не получил должного освещения в историографии. В частности, Т. Дж. Льюс пришел к выводу, что даже такие общепринятые латинские термины, как наименования римских магистратов, не получили единых вариантов перевода на греческий язык[1]. Это позволяет предположить существование в античную эпоху нерешенной проблемы рецепции латинской терминологии социально-политической стратификации римского общества на почве греческого языка. Из всего многообразия подобной лексики нами выбрано несколько основных категорий. За рамками исследования намеренно оставлены категория «народ» и синонимы, которые требуют отдельного анализа. Рассмотрение вопроса о точных латинских соответствиях изучаемых греческих терминов также оставлено за рамками данной публикации. Нарративные источники ограничены сочинениями трех важнейших авторов I–III вв. н. э.: «Сравнительными жизнеописаниями» Плутарха, «Гражданскими войнами» Аппиана и «Римской историей» Диона Кассия. Для работы с названными трудами использована полнотекстовая база данных *Perseus*[2], воспроизводящая публикации текстов в серии *Loeb Classical Library*. К сожалению, автору осталась недоступна работа Фребурже-Галлана «Аспекты политического и институционального словаря Диона Кассия» (Freyburger-Galland M. L. Aspects du vocabulaire politique et institutionel de Dion Cassius. Paris, 1997. 264 p.).

В греческой письменной традиции римского времени для обозначения одной из категорий римской элиты часто используется термин «οἱ δυνατοί» (далее – *dynatoi*). Он является субстантивированной формой множественного числа мужского рода прилагательного «δυνατός» (варианты перевода – сильный, крепкий; могущественный, влиятельный; пригодный и др.). В обиход греческих историков этот термин ввел Фукидид, для которого *dynatoi* – стандартное обозначение правящей верхушки полиса[3]. По всей вероятности, начало его широкого использования для обозначения политической элиты произошло в V в. до н. э. По мнению М. Манна, термин приобрел новое значение благодаря практике организации престижных и затратных литургий зажиточными афинянами. При этом, отмечает американский исследователь, новая элита называла себя по-разному: «οἱ δυνατοί», «οἱ χρηστοί» (достойные; не следует путать их с «οἱ χρησταί» – ростовщики) или «οἱ πλούσιοι» (богатые)[4]. Аппиан не субстантивирует «χρηστοί», однако неоднократно применяет два других термина. Историки I–III вв. н. э. обычно используют термин *dynatoi* во множественном числе с артиклем. Плутарх, Аппиан и Дион Кассий субстантивируют также превосходную форму прилагательного – *dynatōtatoi* («самые влиятельные»), обозначая степень влиятельности и другими словами (например, «οἱ μάλιστα δυνατοί» и «δυνατώτεροι»). Были известны *dynatoi* и за пределами Римской республики: в частности, к этой социальной категории отнесен парфянский придворный Монес (Plut. Ant., 37). Активное использование античными авторами различных приемов стилизации речи позволяет нам выявить ряд синонимов и антонимов рассматриваемого термина. В частности, Плутарх, противопоставлявший *dynatoi* и *polloi* – «многих людей» (Plut. Tib. Gr., 13), указывает на существенные различия между *dynatoi* и *dēmos*, что позволяет видеть противопоставление и в этих случаях (Plut. Tib. Gr., 15, 20; Plut. C. Mar., 30). Аппиан же прямо говорит о вражде *dynatoi* и представителей сословия всадников, которые предлагали использовать против них закон Вария (App. B. C., I, 37). В источниках неоднократно встречается прямая или косвенная маркировка политиков данным термином. К *dynatoi* можно уверенно отнести Луция Опимия (Plut. C. Gr., 11), Марка Красса, Марка Марцелла и Метелла Сципиона (Plut. Cic., 15), Гая Антония Гибриду (Dio Cass., XXXVII, 30, 31), Марка Антония (App. B. C., II, 114) и Цицерона (App. B. C., IV, 5–6)[5].

Как правило, *dynatoi* вели активную политическую деятельность: именно они рекомендовали Тиберию Гракху представить свой законопроект сенату (App. B. C., I, 12), однако там трибун столкнулся уже с «οἱ πλούσιοι» (о них – чуть ниже). Нередко «влиятельные» поддерживали различных политиков и даже враждующие стороны в гражданских войнах. Так, в 80-е гг. до н. э. *dynatoi* разделились в симпатиях между марианцами и Суллой (App. B. C., I, 66; I, 76; Plut. Sul., 34). Представители «влиятельных» участвовали в событиях 63 г. до н. э. на стороне Цицерона (Plut. Cic., 14), но некоторые покровительствовали и самому Катилине (Plut. Cic., 19; App. B. C., II, 2)[6].

Суммируя свидетельства источников, *dynatoi* можно определить как социальную прослойку с полными гражданскими правами (если речь идет о древней римской истории) и значительным политическим влиянием вследствие занятия высоких должностей и, соответственно, членства в сенате (все римляне, маркированные этим термином, были консулами). При этом нельзя говорить о четкой принадлежности *dynatoi* к одной последовательной политической идеологии. Обозначение этим термином «нового человека» (*homo novus*) Цицерона (App. B. C., IV, 5–6) позволяет предположить отсутствие наследственного членства. Хотя Дион Кассий и Плутарх сообщают о том, что в сенате существовала фракция *dynatōtatoi*, упоминания этой категории скорее эпизодические, и нельзя допустить, что самые влиятельные римляне десятилетиями никак не проявляли себя (Dio Cass., XL, 61; Plut. Caes., 10)[7]. По всей видимости,

dynatōtatoi являются подмножеством *dynatoi*. По мнению Н. Н. Трухиной, Дион Кассий обозначал термином *dynatoi* латинскую категорию *nobiles*[8]. А. В. Махлаюк и К. В. Марков используют перевод «могущественные»[9].

Для обозначения римской политической элиты греческие историки использовали и «οἱ πλούσιοι» (далее – *ploysioi*, богатые), хотя термин применяется нерегулярно. Например, более половины случаев использования слова Аппианом приходится на рассказ о деятельности Гракхов в начале первой книги «Гражданских войн», а в дальнейшем он применяется всего несколько раз. Как и *dynatoi*, *ploysioi* используется для обозначения категории населения во множественном числе мужского рода и с артиклем. Дион Кассий различает богатых (πλούσιοι) и наибогатейших (πλουσιώτατοι: Dio Cass., XXXIX, 58; LII, 19); использует этот историк и синонимичную конструкцию «οἱ πάνυ πλούσιοι» – «очень богатые» (например, Dio Cass., XLVI, 31; XLVII, 5)[10]. Именно по интересам *ploysioi* ударяло восстановление Тиберием Гракхом лимита земельного надела в 500 югеров (App. B. C., I, 10). *Ploysioi* были представлены среди сенаторов (App. B. C., I, 12), однако в комициях значительным влиянием они не пользовались, хотя имели сторонников среди плебейских трибунов (Plut. Gracch., 12). Известно, что *ploysioi* присутствовали на народном собрании до того, как сторонники Гракха разогнали их (App. B. C., I, 15). Поскольку *ploysioi* находились вместе с избирателями во время голосований, они наверняка были полноправными римскими гражданами. Из других фрагментов (App. B. C., I, 18; Plut. Gracch., 8) следует, что земельные участки были захвачены *ploysioi* уже давно; закон, о котором упоминают Плутарх и Аппиан, относится ко времени между 367 и 167 гг. до н. э.[11] Следовательно, можно считать их группой с наследственным членством и достаточно древним появлением. Они же поддерживали марианцев в гражданской войне 83–82 гг. до н. э., за что их преследовал Сулла (App. B. C., I, 96). Вскоре после убийства Цезаря его наследник Октавиан пообещал не преследовать *ploysioi* (Dio Cass., XLIII, 18), за что последние его поддержали (Dio Cass., XLVI, 31). Впрочем, после образования второго триумвирата от проскрипций пострадали в том числе и богатые римляне (Dio Cass., XLVII, 5–6). После окончания гражданских войн Агриппа и Меценат озвучили две программы реформ, в числе которых было пополнение поредевших высших сословий знатными и богатыми (Dio Cass., LII, 19: «...καὶ τοὺς ἀρίστους τούς τε πλουσιωτάτους...»)[12].

За исключением периода деятельности братьев Гракхов, *ploysioi* весьма пассивны и несамостоятельны: они лишь примыкают к различным группировкам и терпят преследования оппонентов. Это довольно немногочисленная группа людей, в пользу чего свидетельствует небольшое влияние в комициях. Напомним, что в античную эпоху критерием богатства (πλοῦτος) служили не только наличные деньги, но также «обладание землей и недвижимой собственностью, а также множеством стад и рабов, рослых и красивых» (Arist. Rhet., 1361a (I, 5, 7)). В эпоху Гракхов, по информации Аппиана, *ploysioi* составляли значительную силу в сенате, но не стоит приравнивать эту группу к богатым сенаторам: сам Гракх был отнюдь не беден. Ключевой признак категории *ploysioi* – богатство (*ploytos*) – можно наследовать в отличие от *dynatos*. Это хорошо иллюстрирует пример Гая Мария: нарушенная им монополия на занятие консульства принадлежала не *dynatoi*, а людям богатым (*ploysioi*) и знатным (*eygeneis*) от рождения (Plut. C. Mar., 9, 11). Кроме того, наследственный характер прямо проистекает из фрагмента Аппиана, где конспективно излагается история формирования группы *ploysioi*: они заняли земельные участки несколько поколений назад. *Ploysioi* характеризовались достаточно высоким уровнем внутреннего единства для координации электоральной коррупции и воздействия на магистратов – руководителей процесса выборов. *Ploysioi* враждовали со всадниками (App. B. C., I, 22)[13], а их присутствие в сенате позволяло видеть в них крупных землевладельцев, если вспомнить, что многие сенаторы традиционно занимались сельским хозяйством. Впрочем, в отличие от *dynatoi*, членство в этой группе не зависело от членства в сенате. Математическое множество *ploysioi* могло пересекаться с *dynatoi* (правда, скудность наших источников не позволяет подтвердить эту гипотезу). *Ploysiotatoi* едва ли являются самостоятельной группой населения, поскольку в наших источниках упоминаются они очень редко.

Третьим термином, который используется греческими историками для маркировки активных участников политической жизни Римской республики в последний век ее существования, является «οἱ ἐπιφανείς» (*epiphaneis*, т. е. видные). Как и *dynatoi*, этот термин имеет несколько оттенков значения. В словаре И. Дворецкого он переводится, в частности, как «видный, знатный, известный, выдающийся, знаменитый, славный», в словаре А. Вейсмана – «знатный, славный, отличный»[14]. Английский словарь Лидделла-Скотта-Джонса предлагает похожие варианты перевода[15]. Плутарх, Аппиан и Дион Кассий знают превосходную степень данного слова – *epiphanestatoi*. Сравнительная степень очень редка. Плутарх упоминает в качестве синонима или близкого для *epiphaneis* термина *beltistoi* (наилучшие) – слово, редко используемое Дионом Кассием и Плутархом и отсутствующее у Аппиана. Дион Кассий редко использует *epiphaneis* в политическом смысле, обычно применяя его слово лишь для маркировки отдельных людей, в том числе и женщин (Dio Cass., XLVII, 7), и очень редко – говоря о группе *epiphaneis*. Определяя значение «οἱ ἐπιφανεῖς», нельзя не обратиться к анализу употребления более распространенного в греческом обиходе термина «οἱ ἄριστοι» (знатные, лучшие). Аппиан нередко использует этот термин, причем иногда не субстантивирует его, а применяет полную форму

«знатные люди» для характеристики людей, которые пополнили сенат при Сулле (App. B. C., I, 59: τῶν ἀρίστων ἀνδρῶν). Знатность является категорией, которая может быть присуща и сословию всадников (App. B. C., I, 100). Кроме того, Аппиан, упоминая о репрессиях против самых известных сенаторов (App. B. C., I, 37: τοῖς ἐπιφανεστάτοις τῶν βουλευτῶν), впоследствии обобщенно характеризует их как *aristoi* (App. B. C., I, 38). Плутарх противопоставляет *aristos* Катула и *kakistos* Лепида (Plut. Pomp., 15): в данном случае *aristos* наверняка выступает как превосходная форма *agathos* (хороший), поскольку *kakistos* – превосходная форма *kakos*. Говорить же о незнатности Лепида совершенно неправомерно: род Эмилиев Лепидов был патрицианским по происхождению, а его представители неоднократно занимали должность консула. Дион Кассий использует схожий оборот (Dio Cass., XXXVI, 36a)[16], поэтому *aristos*, по-видимому, является субъективной характеристикой политической ориентации человека (ближайшее латинское соответствие – очевидно, термин *boni*). Вероятно, латинский первоисточник Плутарха и Диона Кассия сочувствовал фракции оптиматов, поскольку в числе «лучших» людей называется Катул – лидер консерваторов в сенате.

Свидетельства античных авторов позволяют отнести нескольких римских политиков к *epiphaneis*, в частности Тиберия Гракха, Марка Ливия Друза и некоего Нония. Известность первых двух засвидетельствована и другими источниками, Ноний же практически неизвестен, хотя представители этого рода достигли претуры в конце II – начале I в. до н. э.[17] В одном из фрагментов Аппиана есть еще одно косвенное указание на персональный состав «οἱ ἐπιφανεῖς» (App. B. C., I, 43: Ῥουτιλίου δὲ τοῦ σώματος καὶ πολλῶν ἄλλων ἐπιφανῶν – тела Рутилия и многих других «видных»)[18]. Обозначенные этим термином Гракх, Ноний и Друз успели достичь лишь должности плебейского трибуна, которая не позволяла претендовать на место в сенате (до законов Суллы окончательное решение, однако, оставалось за цензорами), поэтому едва ли под *epiphaneis* понимались сенаторы. Нельзя говорить и о единстве социального состава *epiphaneis* в свидетельстве Аппиана: Рутилии были новыми людьми (*homines novi*), а Публий и вовсе был первым консулом в своем роду (впрочем, существует предположение, что один Рутилий – правда, из другой ветви – был военным трибуном еще в V в. до н. э.)[19].

Таким образом, термином *epiphaneis* обозначались римские деятели различного статуса (как сенаторы, так и начинающие политическую карьеру нобили), различного происхождения (известны как «новые люди», так и представители древних родов). Гракха и Друза объединяет реформаторская деятельность в русле традиций популяров, Ноний же выступал против демагогов Апулея Сатурнина и Сервилия Главции. По-видимому, первоисточник, переведенный или пересказанный Аппианом близко к оригиналу (таково предположение Э. Габбы), высоко ценил этих трех политиков. Термины *aristoi* и *beltistoi* – превосходные формы одного и того же слова *agathos* – также являются субъективными характеристиками политической ориентации (вероятно, заимствованными из латинских оригиналов).

Для обозначения политических объединений нобилитета, известных в историографии как личные группировки и личные партии, греческие историки прибегают к нескольким конструкциям. Во-первых, они образуют производные термины от имен политиков, вокруг которых организовывалась группировка: «οἱ Γρακχείοι» («гракханцы»: App. B. C., I, 15–16), οἱ Σύλλειοι («сулланцы»: I, 89, 105, 107) и «οἱ Καρβωνείοι» («сторонники Карбона»: App. B. C., I, 90, 91, 92). В одном фрагменте I книги «Гражданских войн» Аппиан (App. B. C., I, 105) указывает на то, что у сулланцев существовали и прямые оппоненты (ἐναντίοι – противоположные): Κόιντός τε Κάτλος ἀπὸ τῶν Συλλείων καὶ Λέπιδος Αἰμίλιος ἀπὸ τῶν ἐναντίων. При этом «сулланцами» Аппиан называет не только политических соратников диктатора, но и его отряды в гражданской войне 83–82 гг. до н. э. (App. B. C., I, 89); сулланцы для александрийского историка не исчезают с отречением и смертью Суллы (App. B. C., I, 105, 107). Сторонники Тиберия Гракха, отмеченные аналогичным термином, устроили, как рассказывает Аппиан, беспорядки на форуме (App. B. C., I, 15–16). В четвертой книге историк дважды в одном абзаце упоминает помпеянцев – «οἱ Πομπηιανοί» (App. B. C., IV, 54)[20].

Для обозначения сторонников других политиков, в частности Гая Юлия Цезаря, образованные аналогичным образом термины не применяются. Приверженцев Цезаря Аппиан называет «друзьями», приводя две разновидности одного оборота (например, App. B. C., II, 11: τοὺς Καίσαρος φίλους; и, например, App. B. C., II, 23: τῶν φίλων τοῦ Καίσαρος). Похожие конструкции Аппиан вводит для обозначения приверженцев Цинны (App. B. C., I, 64: φίλοι Κίννᾳ), Карбона (App. B. C., I, 80: τοὺς Κάρβωνος φίλους), Клодия (App. B. C., II, 21: οἱ φίλοι τοῦ Κλωδίου), Милона (App. B. C., II, 22: τοὺς φίλους τοῦ Μίλωνος), Гнея Помпея (App. B. C., II, 27: τοὺς Πομπηίου φίλους). Аналогичная конструкция применяется не только для обозначения приверженцев личных партий, но и для характеристики сторонников или участников рассмотренной выше группы *epiphaneis* (App. B. C., I, 81: φίλους πολλοὺς τῶν ἐπιφανῶν). Античные авторы разделяли понятия *philos* и *stasiōtai* (App. B. C., II, 114): последним словом обычно обозначали сторонников в гражданских войнах. Плутарх использует конструкцию «*philos* + имя» вне описания политических событий (Plut. Pomp., 40; Plut. Cato Min., 2, 9, 18 и др.), хотя встречаются и обратные примеры (Plut. Cato Min., 51; Plut. Caes., 31). «Друзей» Цезаря знает и Дион Кассий (например, Dio Cass., XXXIX, 33: «τῶν τοῦ Καίσαρος φίλων»)[21]. Характерно, что присутствие «центрального» лица, чьи друзья упоминаются в тексте, не было обязательным: достоверно известно, что с весны 58 г. до н. э. и до весны 49 г. до н. э. Цезарь, занятый руководством Галльской кампанией, вел дела с помощью корреспонденции.

Таким образом, под «φίλοι» греческие историки I–III вв. н. э. понимали сторонников политика, которые, как правило, были связаны с ним дружескими узами (*amicitia*). Впрочем, на заседаниях сената в конце 50-х и в первые дни 49 г. до н. э. в числе «друзей» могли присутствовать и люди, подкупленные Цезарем. Являлся ли подкуп основанием для зачисления в категорию «друзей» в римской традиции – вопрос, разрешать который в рамках данной статьи нецелесообразно. Стоит заметить также, что *philoi* никогда не проводят самостоятельную политику, а лишь действуют в интересах третьего лица.

Наконец, для обозначения личных партий греческие историки применяют конструкцию из предлога «ἀμφὶ» (*amphi*; основное значение – «вокруг») с именем центральной фигуры группы в винительном падеже, например «οἱ ἀμφὶ τὸν Ἀπουλήιον» (App. B. C., I, 32), что можно перевести как «те, кто [находится] вокруг Апулея». Чаще других этот способ маркировки личных партий использует Аппиан: в пяти книгах «Гражданских войн» эта конструкция используется около 50 раз. Как правило, Дион Кассий и Аппиан (книги III–V) применяют ее для обозначения отрядов солдат и флота под командованием одного человека (Марка Антония, Октавиана, Брута, Кассия). Впрочем, иногда упомянутым оборотом пользовались для обозначения сторонников политиков на форуме (в частности, App. B. C., III, 7; IV, 51). Во II книге «Гражданских войн» рассматриваемый оборот применяется преимущественно для обозначения участников заговора Катилины и заговора против Цезаря. В одном фрагменте Аппиан упоминает людей «вокруг» Лентула и Цетега (App. B. C., II, 15: «τοὺς ἀμφὶ Λέντλον καὶ Κέθηγον»), которых казнили без приговора суда. Имена всех пятерых казненных заговорщиков известны из сочинения Саллюстия «О заговоре Катилины» (Sall. Cat., 55). Не считая названных поименно Лентула и Цетега, об остальных жертвах расправы практически ничего неизвестно. С помощью этого же выражения Аппиан обозначает группу сенаторов под руководством Марка Брута, пришедшую 15 марта 44 г. до н. э. на заседание сената (App. B. C., I, 115). Большинство участников заговора против Цезаря составляли сенаторы с большим политическим и военным стажем. Плутарх упомянутым оборотом не пользуется, хотя он часто использует аналогичную конструкцию «οἱ περὶ + имя» (например, Plut. Caes., 31)[22]. Таким образом, конструкции с *amphi* и *peri* обычно обозначают отряд вооруженных людей (как в военное, так и в мирное время) под командованием одного человека, который ими руководит в качестве высшего должностного лица, магистрата, вождя или патрона (едва ли обладание империем играло значительную роль в выборе слова). Этот оборот также применяется для указания на локальную группу заговорщиков, в том числе и до момента их вооруженного выступления. Важно заметить, что заговорщики группируются в источниках не вокруг вдохновителя заговора (например, Катилины), а вокруг тех участников, которые, по-видимому, непосредственно руководили деятельностью ячейки. Конструкция с использованием *amphi* предполагает непосредственное личное руководство (это наглядно видно на примере упомянутых групп заговорщиков) в отличие от конструкции с *philos*: как известно, находившийся в Галлии Цезарь руководил действиями своих сторонников в Риме посредством писем. Единства в социальной принадлежности участников не наблюдается – ими могут быть как простые солдаты, так и сенаторы. Небезынтересно отметить отсутствие прямых латинских эквивалентов греческих конструкций с *amphi* и *peri*.

Несмотря на некоторые различия, в целом греческие авторы I–III вв. н. э. достаточно последовательны в передаче социально-политических реалий позднереспубликанской эпохи, и в их лексике присутствуют устойчивые термины, речевые обороты и понятия. Это позволяет сделать вывод о сравнительно устойчивом характере греческой лексической традиции в описании римской истории. Возникающие в отдельных текстах противоречия можно объяснить наложением высокоразвитой греческой историографической традиции на латинскую. Не следует сбрасывать со счетов и возможность некорректной интерпретации римских политических и социальных реалий: к I–III вв. н. э., когда работали интересующие нас греческие авторы, социально-политическая стратификация римского общества уже подверглась масштабным изменениям. Историки эпохи принципата нередко переносили современные им политические реалии на события прошлого, за что, например, Аппиана нередко упрекают в анахронизмах при исторических отступлениях[23]. На наш взгляд, последовательное применение греческими авторами эпохи принципата для описания римской истории целой палитры терминов, которые использовались классиками античной историографии (Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Полибием), свидетельствует о закреплении в греческом историческом дискурсе терминологии, основанной на социально-политических реалиях афинского полиса (впрочем, этот тезис нуждается в дополнительной верификации). Таким образом, античные авторы не стремились к точной передаче оригинальной латинской терминологии в угоду точности, а не стилю, поскольку для античной историографии подобный вид работы с источниками был в целом нехарактерен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: *Luce T. J.* Appian's Magisterial Terminology // Classical Philology. 1961. Vol. 56, № 1. P. 21–28.

[2] См.: Perseus Project [Electronic resource]. Medford, 1985–2014. URL: http://www.perseus.tufts.edu/hopper/collection?collection=Perseus:collection:Greco-Roman (date of access: 18.09.2014).

[3] См.: *Lintott A.* Aristotle and Democracy // The Classical Quarterly. 1992. New Series. Vol. 42, № 1. P. 123.

[4] См.: *Munn M.* The School of History: Athens in the Age of Socrates. Berkeley, 2000. P. 57.

[5] См.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / подгот. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 3. С. 119–121, 123–124 ; 1963. Т. 2. С. 84–85 ; *Аппиан.* Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998. С. 330 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1964.

Т. 3. С. 131, 167 ; Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1914. Vol. 3. P. 149 ; *Аппиан.* Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998. С. 428–429, 500.

[6] См.: *Аппиан.* Римская история / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998. С. 315–316, 348–349 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / подгот. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 2. С. 146–147 ; 1963. Т. 2. С. 166–167, 169–170 ; *Аппиан.* Римская история. С. 374.

[7] См.: *Аппиан.* Римская история С. 500 ; Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1914. Vol. 3. P. 499–501 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания : в 3 т. / подгот. С. П. Маркиш. М., 1964. Т. 2. С. 456.

[8] См.: *Трухина Н. Н.* Политика и политики «Золотого века» римской республики. М., 1986. С. 161.

[9] См.: *Дион Кассий.* Римская история. Книга LII / пер. с др.-греч. К. В. Маркова и А. В. Махлаюка // ВДИ. 2008. № 2. С. 227.

[10] См.: Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1914. Vol. 3. P. 395 ; 1955. Vol. 6. P. 121–123 ; 1955. Vol. 5. P. 61–63, 123–127.

[11] См.: *Roselaar S.* Public Land in the Roman Republic: A Social and Economic History of *ager publicus* in Italy. Oxford, 2010. P. 99–100.

[12] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 314–316 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 2. С. 119 ; *Аппиан.* Римская история. С. 317–319 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 115–116 ; *Аппиан.* Римская история. С. 358–359 ; Dio's Roman History : in 9 vol. / ed. by E. Cary and H. B. Foster. London ; Cambridge, 1916. Vol. 4. P. 243–245 ; 1955. Vol. 5. P. 61–63 ; 1955. Vol. 5. P. 123–129 ; 1955. Vol. 6. P. 121–123.

[13] См.: *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 70–72 ; *Аппиан.* Римская история. С. 321–322.

[14] См.: Греческо-русский словарь / сост. А. Д. Вейсман. 5-е изд. СПб., 1899. С. 514.

[15] См.: A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddell, R. Scott, H. S. Jones and R. McKenzie. 9th ed., with new suppl. Oxford, 1996. P. 670.

[16] См.: Dio's Roman History. 1955. Vol. 4. P. 129–131 ; *Аппиан.* Римская история. С. 340–341, 361, 330–331 ; Dio's Roman History. 1914. Vol. 3. P. 61.

[17] См.: *Broughton T. R. S.* Magistrates of the Roman Republic. New York, 1952. Vol. 2. P. 594–595.

[18] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 333.

[19] См.: *Broughton T. R. S.* Op. cit. New York, 1952. Vol. 2. P. 613.

[20] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 317–318, 355, 364, 366, 356–357, 522.

[21] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 379, 384–385, 343, 350–351, 383, 387, 428–429 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 361–362 ; 1964. Т. 3. С. 29–30, 33–34, 39, 61 ; 1963. Т. 2. С. 470 ; Dio's Roman History. 1914. Vol. 3. P. 355.

[22] См.: *Аппиан.* Римская история. С. 327, 452–453, 521, 380–381 ; *Саллюстий.* Сочинения / пер. В. О. Горенштейна. М., 1981. С. 35 ; *Аппиан.* Римская история. С. 369–370 ; *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. 1963. Т. 2. С. 470.

[23] См.: *Кузищин В. И.* О латифундиях во II в. до н. э. О толковании 7-й главы I книги «Гражданских войн» Аппиана // ВДИ. 1960. № 1. С. 46–61 ; *Аппиан.* Римская история. С. 685.

Поступила в редакцию 30.09.2014.

Владимир Юрьевич Монзуль – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета БГУ О. И. Ханкевич.

УДК 94

А. О. КОРШИКОВА

КРИЗИС ЗАПАДНОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

Посвящена работам ученых второй половины XX в. (в частности, Анвара Абдель-Малика, Абдулы Латифа Тибави и Эдварда Вади Саида), которые первыми выступили за критическую переоценку ориентализма. Отмечается, что их труды стали причиной раскола и последующего кризиса в исследованиях стран Азии и Африки, а также привели к переосмыслению сущности востоковедения как научной дисциплины и к трансформации традиционного образа Востока. Это оказало положительное влияние на изучение восточного региона. Стали появляться новые методы, была пересмотрена как колониальная история стран Востока, так и более ранние ее этапы, а также сформировались новые направления в историографии, в том числе постколониальная теория и теория колониального дискурса. Делается вывод о том, что, несмотря на изменения в исследованиях истории и культуры Востока, работы названных авторов не теряют своей актуальности для современной науки.

Ключевые слова: востоковедение; ориентализм; Восток; кризис; история стран Азии и Африки; методы исследования; XX в.

The article is dedicated to the works of scientists of the second half of the twentieth century (in particular Anwar Abdel-Malek, Abdul Latif Tibawi and Edward Wadi Said), who first advocated for a critical reevaluation of Orientalism. Their works caused a dissent and the subsequent crisis in the research of Asia and Africa, but also led to a rethinking of the essence of Oriental Studies as a discipline and to the transformation of the traditional image of the East. This has had a positive influence on the study of the eastern region. New methods began to appear, a colonial history of the East and its earlier stages were revised, new trends were formed in historiography such as postcolonial theory and the theory of colonial discourse. The article concludes that in spite of the changes in the study of the history and culture of the East, the work of mentioned authors does not lose their urgency for modern science.

Key words: Oriental Studies; Orientalism; East; crisis; history of Asia and Africa; research methods; XX century.

В 1960-х гг. в западном востоковедении начали происходить постепенные изменения, которые привели к трансформации методологических и практических принципов исследования. Они были обусловлены тем, что термин «ориентализм», под которым подразумевалась гуманитарная дисциплина, изучающая страны Азии и Африки, стал подвергаться всесторонней критике, а также тем, что с середины XX в. в востоковедении появляется все больше ученых – выходцев с Востока. Все это способствовало расколу среди исследователей: часть из них, во главе с Б. Льюисом, поддержали традиционный подход к изучению, другие – сторонники идей Э. Саида – выступили за пересмотр основных принципов и методов востоковедения. Это привело к изменению парадигмы исследования: в центре внимания оказались